

1

Элеонор посмотрела в окно. За невымытым стеклом порывы ветра гнали по улице пыль, гнули деревья и кусты.

Мимо школы словно лилась река.

Мутная, беззвучная река.

Прозвенел звонок, ученики собрали книги и тетради. Элеонор поднялась и вместе со всеми пошла к раздевалке.

Ее одноклассница Йенни Линд стояла возле своего шкафчика и застегивала куртку.

Лицо и светлые волосы отражались в неровной жестиной дверце.

Йенни красивая и не похожа на других. Взгляд у нее такой пристальный, что Элеонор делается не по себе, и щеки пылают.

Еще Йенни — творческая натура, она фотографирует и единственная из старшеклассниц читает книжки. На прошлой неделе ей исполнилось шестнадцать, Элеонор ее поздравляла.

До Элеонор никому нет дела, она не красавица и знает это, хотя Йенни как-то сказала, что хотела бы провести с ней фотосессию.

Сказала, когда они после физкультуры стояли в душе.

Элеонор оделась и пошла за Йенни к выходу.

Ветер нес вдоль белого фасада песок и прошлогодние листья, заметал их в школьный двор.

На флагштоке громко билась веревка.

На велосипедной парковке Йенни постояла, что-то крича и сердито размахивая руками, и ушла пешком. Элеонор сама проколола шины у ее велика, надеясь, что тогда у нее будет повод помочь Йенни доставить и велосипед, и рюкзак до дома.

Они бы тогда снова поговорили про фотосессию, про черно-белые фотографии — скульптуры из света.

Элеонор запретила себе фантазировать дальше, даже до первого поцелуя не добралась.

Следом за Йенни она проехала мимо стадиона “Баккаваллен”.

Веранда ресторана была пуста, белые зонтики подрагивали на ветру.

У Элеонор не хватало духу догнать Йенни.

Элеонор тащилась метрах в двухстах за ней по тротуару параллельно с Эриксбергсвеген.

Облака неслись над верхушками елей.

Порыв ветра раздул светлые волосы Йенни, и они тут же закрыли ей лицо: мимо, сотрясая землю, проехал рейсовый автобус.

Вот и последние дома остались позади. Девочки оказались возле скаутского лагеря. Йенни перебежала через дорогу и продолжила путь.

Сквозь тучи пробилось солнце, по лугу неслись тени облаков.

Йенни жила в красивой вилле в Форшё, у самой воды.

Элеонор как-то простояла у ее дома больше часа. Она принесла книгу, которую Йенни потеряла и ко-

торую она, Элеонор, на самом деле спрятала. Элеонор тогда так и не решилась позвонить в дверь, просто сунула книжку в почтовый ящик.

Йенни остановилась под проводами, закурила и пошла дальше. Блеснули от солнца светлые пуговицы на рукаве.

За спиной у Элеонор послышался грохот тяжелой машины.

Задрожала земля: мимо пронеслась фура с польскими номерами.

В следующую секунду завизжали тормоза, и прицеп занесло в сторону. Фура круто свернула на обочину, через полоску травы выкатилась на пешеходную дорожку прямо за спиной у Йенни; наконец водитель остановил тяжелый грузовик.

— Что за!.. — донесся до Элеонор голос Йенни.

С синего тента текла вода, оставляя на грязном брезенте блестящие следы.

Дверь тягача открылась, из кабины вылез водитель. На широкой спине натянулась черная кожаная куртка со странным серым пятном.

Кудрявые волосы почти до плеч.

Он широкими шагами направился к Йенни.

Мотор продолжал работать, и из хромированной трубы тонкой струйкой тянулись выхлопные газы.

Элеонор остановилась. И тут же увидела, как водитель бьет Йенни прямо в лицо.

Несколько петель тента съехали с креплений, и ветер раздул брезент, скрыв Йенни от Элеонор.

— Эй! — крикнула она и заторопилась вперед. — Вы что делаете?!

Когда тяжелый брезент опустился, Элеонор увидела Йенни — та лежала навзничь на пешеходной дорожке в нескольких метрах перед фурой.

Йенни подняла голову и растерянно улыбнулась; на зубах у нее виднелась кровь.

Брезент, ничем не удерживаемый, хлопал от ветра.

Элеонор на ватных ногах спустилась в канаву. Надо вызвать полицию. Дрожащими руками она достала телефон, но тут же уронила его.

Телефон упал в заросли сорняков.

Элеонор нагнулась за ним — и увидела, как Йенни отбивается ногами, а водитель крепко держит ее, подняв над землей.

Элеонор выбежала на дорогу и бросилась к фуру; загудела какая-то машина.

В солнечном свете сверкнули зеркальные очки водителя. Он вытер окровавленную руку о джинсы, поднялся в кабину, захлопнул дверцу, включил скорость и тронул машину с места, причем одно колесо так и катилось по пешеходной дорожке. Над сухой травой взвилась пыль; фура с грохотом выехала на дорогу и набрала скорость.

Элеонор остановилась, хватая ртом воздух.

Йенни Линд нигде не было.

На земле валялись затоптанная сигарета и рюкзак с учебниками.

Над пустой дорогой летела пыль, тучи пыли неслись через поля и изгороди. Ветер будет дуть над землей вечно.

2

Йенни лежала в просмоленной лодочке где-то на темном озере. Лодка поскрипывала, в борта плескали волны.

Очнулась Йенни от того, что ее сильно тошнило.

Пол ходил ходуном.

Болели плечи, запястья саднило.

Йенни поняла, что лежит на полу фуры.

Она связана, рот заклеен скотчем. Сама лежит на полу, а руки скованы над головой.

И не видно ничего — глаза как будто еще не проснулись.

Сквозь брезент просачивался рассеянный свет.

Йенни сморгнула, и перед глазами все смешалось.

Ее мучила ужасная дурнота, в голове пульсировала боль.

Где-то внизу гулко катились по асфальту огромные шины.

Йенни поняла, что руки у нее стянуты пластиковым ремешком и прицеплены к стальному каркасу тента.

Что же происходит? Ее ударили, повалили на землю и прижали ко рту и носу холодную тряпку.

Накатила волна ужаса.

Опустив глаза, Йенни увидела, что платье задралось до пояса, но колготки на месте.

Водитель гнал фуру вперед, не сворачивая, мотор работал на ровных оборотах.

Йенни отчаянно пыталась найти разумное объяснение происходящему. Но объяснение было одно: с ней происходит то, чего люди боятся больше всего на свете. Что показывают в фильмах ужасов и чего в реальности не должно происходить.

Бросив велосипед у школы, она пошла пешком, делая вид, будто не замечает, что Элеонор тащится следом. Внезапно у нее за спиной свернула, выехав на пешеходную дорожку, тяжелая фура.

Удар в лицо оказался таким неожиданным, что Йенни не успела среагировать; прежде чем ей удалось подняться, к лицу прижали мокрую тряпку.

Йенни понятия не имела, сколько времени пролежала без сознания.

Затекшие руки похолодели.

Голова кружилась, глаза на миг перестали видеть, но потом зрение вернулось.

Йенни лежала, прижавшись щекой к полу.

Она старалась дышать спокойно. Нельзя, чтобы ее вырвало, пока у нее заклеен рот.

В щели у борта прицепа застряла засохшая рыбья голова. В воздухе стояла густая сладковатая вонь.

Йенни снова подняла голову, моргнула и заметила в передней части прицепа железный шкаф с висячим замком и двумя большими пластиковыми поддонами. Поддоны удерживались на месте широкими ремнями, пол вокруг них был мокрым.

Йенни пыталась припомнить рассказы женщин, оставшихся в живых после нападения маньяка. Что де-

лать? Сопротивляться или завести разговор о хризантемах, чтобы установить доверительные отношения?

Кричать сквозь скотч бессмысленно, ее никто не услышит — кроме, может быть, водителя.

Лучше вести себя тихо. Пусть водитель не догадается, что она пришла в себя.

Извиваясь, Йенни поползла, напряглась всем телом, потянулась головой к рукам.

Прицеп повернул, и ее замутило.

Рот наполнился рвотой.

Мышцы дрожали.

Стяжка врезалась в кожу.

Онемевшими пальцами Йенни подцепила краешек скотча и сорвала его. Она сплюнула все, что скопилось во рту, легла на бок и попробовала тихо откашляться.

Из-за дряни, которой была пропитана тряпка, у Йенни что-то творилось со зрением.

Когда она смотрела на каркас, то видела его словно сквозь брезентовый тент.

Основания каркаса тянулись вверх, изгибались под углом в девяносто градусов, удерживали тент и опускались к противоположному борту.

Как балки, соединенные горизонтальными планками.

Йенни моргнула, пытаясь сфокусировать взгляд. Оказывается, на противоположном борту этих планок нет — только брезент, натянутый на пять горизонтальных досок.

Это для того, поняла Йенни, чтобы сдвинуть брезент, когда прицеп загружают.

Если она сумеет со связанными руками пробраться вдоль опоры под потолком и спуститься у другого борта, то можно попробовать отогнуть брезент и по-

звать на помощь или хотя бы привлечь внимание какого-нибудь водителя.

Йенни попыталась поднять стяжку по опоре, но тут же застряла.

Острый пластик больно врезался в кожу.

Фура поменяла полосу, Йенни мотнула в сторону, и она ударилась об опору виском.

Снова села, проглотила комок, вспомнила сегодняшнее утро и завтрак — подсушенный хлеб с мармеладом. Мама рассказывала, что тетке вчера вставили четыре стента в коронарную артерию.

Телефон Йенни лежал на столе рядом с чашкой. Звук она отключила, но поглядывала на экран всякий раз, как высвечивались новые уведомления. Отец рассердился. Решил, что раз дочь за столом смотрит в телефон, значит, ей наплевать на остальных. Йенни ужасно взбесила такая несправедливость.

— Чего ты все время ко мне цепляешься? Что я тебе сделала? Вечно всем недоволен! — И она выскочила из кухни.

Пол накренился, фура замедлила ход: дорога пошла в гору.

Солнце пробилось сквозь брезент и осветило грязный пол. Перед Йенни среди комков засохшей грязи и почерневших листьев лежал передний зуб.

Адреналин хлынул в кровь, Йенни заозиралась. Всего в метре от нее валялись два сломанных ногтя, покрытых красным лаком. На опоре залохла кровь, под обшивкой застрял волос.

— Господи, что же это, — забормотала Йенни, поднимаясь на колени.

Постояв, она сдвинула стяжку, чтобы не так резало запястья. Кровообращение начало восстанавливаться, в пальцы воткнулись тысячи иголок.

Дрожа всем телом, Йенни снова попыталась подтянуться, но стяжка опять застряла.

— Все нормально, — прошептала Йенни.

Надо сосредоточиться, нельзя поддаваться панике.

Йенни немного согнула руки, сдвинулась в сторону и поняла, что сможет проползти вперед вдоль нижней планки.

Дыхание участилось. Йенни, уговаривая себя, пробралась мимо неровностей в переднюю часть прицепа. Там она обеими руками схватилась за планку и потянула, но планка была приварена к последней опоре, и сдвинуть ее оказалось невозможно.

Йенни взглянула на железный шкаф. Висячий замок был открыт и болтался на дужке.

Снова накатила дурнота, но ждать было некогда, поездка могла закончиться в любую минуту.

Йенни, вытянув руки, наклонилась вбок, подальше от борта, напряглась и ухватила замок ртом. Осторожно вытащила его, опустила на колени, положила замок на платье, осторожно развела ноги, и замок бесшумно соскользнул на пол.

Тяжелая фура повернула, и дверца шкафа открылась.

Йенни увидела целое собрание малярных кистей, банок, клещей, ножовок, ножей, ножниц, бутылей с чистящим средством и тряпок.

Пульс подскочил, в голове застучало.

Мотор теперь звучал по-другому: фура замедлила ход.

Йенни снова поднялась и потянулась в сторону. Удерживая дверцу головой, она смотрела на нож с грязной пластиковой ручкой. Нож лежал на полке между двумя банками краски.

— Господи, спаси меня, пожалуйста...

Фура резко повернула, и железная дверца с такой силой ударила Йенни по голове, что девушка на миг потеряла сознание и упала на колени.

Ее вырвало, но она снова поднялась. С запястий на грязный пол капала кровь.

Потянувшись вперед, Йенни ртом схватила ручку ножа. В тот же миг грузовик, отдуваясь, остановился.

Йенни со скрежетом потянула нож с полки.

Зажав нож во рту, она направила ржавое лезвие вниз, к рукам, приладила его к стяжке и принялась пилить.